

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Бокарева Алексея Сергеевича
«ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИРИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА
XXI ВЕКА: СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА И ОБРАЗНЫЙ ЯЗЫК»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Актуальность исследования А. С. Бокарева несомненна: при очевидном возрастании интереса к истории современной русской поэзии работ, в которых бы предпринималась попытка выявления ее мировоззренческих оснований, образных универсалий, субъектной типологии, совсем немного.

Очевидна и **новизна** работы: в ней впервые на материале русской лирики второй половины XX – начала XXI в. «охарактеризованы ключевые особенности возникающей на основе синкретизма индивидуально авторской картины мира, <...> установлены и описаны типы субъектных отношений и образного языка лирики» (с.9). Заявленный А.С. Бокаревым подход представляется ценным и эвристически продуктивным. Полученные с его помощью научные результаты кажутся достоверными и обоснованными.

Цель работы – «дать комплексную характеристику поэтики русской лирики второй половины XX – начала XXI в., реализующей синкретическую модель мира, на основании анализа субъектной и образной структуры текста» (с. 10), – в диссертации достигнута, поставленные автором **задачи** решены.

Работа рациональна по своей структуре. Набор заявленных в названиях глав аспектов исследования вполне исчерпывает проблему, их последовательность убедительна.

Первая глава, «Субъектная структура и образный язык лирики в освещении исторической поэтики», носит теоретический характер и

очерчивает предпосылки исследования. В ней автор аргументированно расставляет приоритеты, обозначает преимущества своего подхода к материалу.

Во второй главе, «Формы репрезентации «я» и «другого» в русской лирике второй половины XX – начала XXI в.», исследуются субъектные отношения, при которых носитель речи смотрит на себя как на «другого», комментируются «диалогические ресурсы поэтического высказывания». Говоря об «ипостасях», «инкарнациях» и «двойниках» лирического «я», А.С. Бокарев выстраивает картину широкой вариативности форм самопрезентации субъекта. Заслуживают высокой оценки наблюдения автора работы над «овнешнением временных состояний» у С. Ганлевского (с. 65), «слове с лазейкой» и «слове с оглядкой» у Г. Шульпякова (с. 78), единстве «эгоцентрической замкнутости на себе и болезненной открытости миру» у Д. Воденникова (с. 95).

В третьей главе диссертации, «Субъектная неопределенность в русской лирике второй половины XX – начала XXI в.», рассматриваются такие феномены, как intersубъектность, субъектная нестабильность и субъектный синкретизм. В этом разделе работы А.С. Бокарев предлагает новый взгляд на творчество мало исследованных Е. Кропивницкого и О. Григорьева. Очень глубоким представляется раздел, посвященный творческой практике Е. Летова, в частности, наблюдения над изменениями текста, над вариантами сопряжения текста, музыкального ряда, перформанса. Это важный вклад в изучение этого поэта. Заметное достижение диссертанта – вынесенная в основные положения мысль «о вторичной контекстуализации или трансформации субтекстов» (с. 14) в современной песенной традиции.

Глава четвертая, «Семантический синкретизм и кумуляция в русской лирике второй половины XX - начала XXI в.», посвящена анализу образных языков, выражающих нерасчлененность мировосприятия. По плотности исследовательских открытий это, вероятно, самая удачная часть работы. Ее

преимущество – актуализация поэтов, которые нечасто попадают в поле исследовательского интереса. Особой похвалы заслуживает фрагмент, посвященный Л. Черткову, у которого, как справедливо отмечает А.С. Бокарев, «из стихотворений “изгоняется” не только естественная, близкая современному сознанию, логика, но и образные языки, с помощью которых она “выговаривается”» (с. 173). Интересны наблюдения над примерами диффузии смыслов в творческой практике В. Строчкова и А. Левина. Открывающим новые перспективы представляется фрагмент, посвященный Л. Аронзону и возникающему в его стихах эффекту «”изоморфности” текста изображаемому миру» (с. 201).

Заключительная глава диссертации, «Психологический параллелизм и его структурно-семантические дериваты в русской лирике второй половины XX - начала XXI в», исследует связи кенотических и метапоэтических мотивов с языком параллелизма, а также предлагает осмыслить символ, поэтический «иероглиф» и интермедальность как дериваты психологического параллелизма. Наблюдения над поэтикой интермедальности у Б. Рыжего и А. Цветкова заслуживают внимания, но более ценен, как и в предшествующей главе, раздел, посвященный Л. Аронзону. Концепция «иероглифа» удачно «работает» в описании многих поэтических практик.

Обобщая впечатления о достоинствах работы А.С. Бокарева, хотелось бы указать на глубину проникновения в детали авторского мира, способность прослеживать системные связи между разными уровнями поэтики, внимание и к центральным, и к периферийным фигурам литературного процесса, широту теоретического видения. Общее и частное здесь существуют в постоянном сопряжении, которое углубляет знание о поэзии последнего полувека и в то же время намечает хорошие перспективы для ее дальнейшего исследования. Полученные диссертантом результаты, несомненно, будут востребованы специалистами по русской лирике второй половины XX – начала XXI в.

Широта материала и теоретико-литературная сложность проблемы всегда вызывают вопросы. В порядке научной дискуссии, которая никоим образом не ставит под сомнение весомость проделанной работы и достоверность ее результатов, обозначим несколько спорных, на наш взгляд, моментов.

Во-первых, сомнения вызывает эффективность привлекаемой методологии. Есть ощущение, что она и описываемый материал существуют иногда в несоотносимых измерениях. Конечно, А.С. Бокарев следует в фарватере теоретических положений С.Н. Бройтмана, так что упрек обращен к нему лишь отчасти, но в ряде вопросов критическая оценка положений теоретика была бы более чем уместной.

Если за точку отсчета принимается мысль, что исследуемый материал относится к неклассическому этапу развития поэтики художественной модальности, возникает вопрос, как специфицируется этот период – вторая половина XX – начало XXI вв., чем заданы его верхняя и нижняя границы? Кажется, в работе об этом практически ничего не говорится. Нельзя ли допустить, что весь набор посылок, связанных с реконструкцией универсальной для многих авторов «картины мира», применим и к первой половине XX в.? Ведь это тот же самый неклассический этап, и «синкретизм» там тоже можно найти.

Кстати, этот «синкретизм» в поэтике художественной модальности тоже вызывает вопросы. Действительно ли реальность современного поэтического текста может быть описана как «синкретичная»? Насколько оправданно сближение «синкретизма» и «архаизма»? Неужели релятивная, насквозь рефлексивная, всегда помнящая о границах вещей современная поэзия хоть в каком-то смысле «архаична»? Ведь сам автор работы отмечает, что «имитация синкретизма синтетическими по своей природе средствами свидетельствует о его разложении и переходе в принципиально иное качество» (с. 298). Если это качество «другое», зачем описывать явление в терминах, которые к нему неприменимы?

Тот же вопрос возникает и при характеристике субъектности. В работе она с настойчивостью описывается в терминологии кризиса: речь идет о «потере идентичности» (с. 88), о приближении к ней по «асимптоте» (с. 75), о том, что «приблизиться к истинной сути личности можно лишь ценой усилия» (с. 300) и т.д. Но, может быть, дело в том, что поэтами рассматриваемого периода идентичность просто не воспринимается эссенциалистски, никто не верит ни в какую «истинную суть» субъекта и оттого все идентификации ситуативны?

Во-вторых, кажется странным отказ от проблематизации ключевого понятия исследования – понятия «лирики». Так ли все с ним ясно? Если «современная песенность» исследуется в том же смысловом контексте, что и поэзия, для которой единственный медиум – это слово, разве это не стоит как-то пояснить? Ведь, как минимум, не для всех современных поэтов самосоотнесение с аудиальными, перформативными и т.п. формами бытования поэзии само собой разумеется. Можно ли мыслить это поле как единое, если для самих участников литературного процесса оно таково не всегда?

Понятно, что нельзя объять необъятного, что сугубая сосредоточенность на теоретических вопросах в работе историко-литературного характера была бы странной, но, наверное, стоило как-то учесть и тот факт, что в западной науке о литературе два последних десятилетия связаны с настойчивыми попытками критической ревизии представлений о лирике, типологизации подходов к ней и т.п. Остается выразить сожаление, что попытка найти «универсальный инструментарий» для работы с лирикой связана не с новейшими теоретическими открытиями К. Хемпфера, Д. Каллера, Р. Цимнера и др., а с почтенной, но давно требующей пересмотра отечественной классикой в лице Б. Кормана, Т. Сильман, Л. Гинзбург и др.

Высказанные замечания, однако, не снижают общего положительного впечатления от неординарной, новой по задачам и заявленным подходам

диссертации. Это очень серьезный, скрупулезно выполненный филологический труд.

Диссертация А.С. Бокарева является научно-квалификационной работой, в которой решена проблема описания субъектной структуры и образного языка русской лирики второй половины XX – начала XXI вв., что стоит квалифицировать как научное достижение, имеющее важное культурное значение. Она обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения. Диссертация А.С. Бокарева соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература (п. 4. История русской литературы XX-XXI веков, п. 19. Взаимодействие литературы с другими видами искусства).

Теоретическая ценность представленной к защите работы очевидна: в ней убедительно обоснована «продуктивность понятий “полифония”, “нестабильность субъекта”, “иероглиф” в отношении актуальных поэтических практик, доказана эффективность категории “семантический ореол” при анализе образной сферы текста» (с. 11). **Практическая значимость** исследования определяется хорошими перспективами применения результатов в вузовской практике преподавания истории русской литературы XX-XXI в., а также в различных спецкурсах по русской лирике.

Исследование является результатом длительной исследовательской работы и имеет убедительную апробацию. Публикации по теме исследования (69 работ, в том числе 10 – в изданиях Web of Science / Scopus и еще 26 – в изданиях ВАК, 1 монография и 3 раздела в монографии) в полной мере отражают его содержание.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Алексея Сергеевича Бокарева «Поэтика русской лирики второй половины XX – начала XXI века: субъектная структура и образный язык» является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется

научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор – А. С. Бокарев заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент – доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), доцент, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Житенев Александр Анатольевич

«04» апреля 2022 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»)	
подпись	<i>Мелетенева А.А.</i>
должность	начальник отдела кадров
подпись, расшифровка подписи	<i>О.И. Зверева</i> 0404 22

Контактные данные:

394018, г. Воронеж, Пл. Ленина, 10, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Филологический факультет, ауд. 35. Тел.: +7(4732)208-941, e-mail: zhitenev@phil.vsu.ru